

В. А. Медюлянова

ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Целью данной работы является анализ подходов к рассмотрению персонального дейксиса (далее ПД) в лингвистических описаниях для определения принципов выявления дейктических категорий в разноструктурных языках.

После выделения К. Бюлером дейксиса в отдельную категорию указание на лицо рассматривалось в рамках разнообразных лингвистических направлений. В рамках структурного направления (Р. Якобсон, Дж. Лайонз, Л. Теньер и др.) были конкретизированы положения теории дейксиса, заложенные К. Бюлером с опорой на работы К. Бругмана. Описана природа личных местоимений, предложена новая терминология для обозначения выделенного морфологического класса слов, которая характеризует их не столько как слова-заменители (местоимение – вместо имени), сколько как служащие для объективации участников текущего речевого акта (шифтеры, дейктики и др.). Со 2-й половины XX века наряду со структуралистами проблематикой дейксиса заинтересовались и лингвисты иных новых направлений.

В центре внимания трансформационно-генеративной грамматики Н. Хомского лежит взаимодействие языка и мышления, врожденная способность человека генерировать предложение, которое является основным объектом рассмотрения в хомскианской теории. Существенным результатом для развития теории дейксиса становится предложенный Н. Хомским термин *pro-drop*, обозначающий так называемые пустые категории, не выраженные в поверхностной структуре предложения, что позволило классифицировать языки по параметру возможности опущения местоимений в высказывании.

В рамках типологического языкознания (В. Д. Аракин, Э. Бенвенист, Г. В. Степанов, В. И. Томашпольский и др.), которое занимается поиском сходств, присущих всем языкам, т.е. языковых универсалий, и различий, было выявлено, что практически во всех языках присутствуют местоименные элементы, в частности местоимения 1-го и 2-го лица, но категория лица (и в местоимениях, и в глаголе) неоднородна.

В психолингвистическом направлении (Е. Ю. Артемьева, Г. Р. Доброва, С. В. Краснощекова, А. А. Леонтьев и др.) внимание сосредоточено на проблемах восприятия дейктических элементов детьми и взрослыми. Выявлено, каким образом усваиваются местоименные оппозиции «Я – Ты», «Я – Мы» и другие, выделены основные стадии и этапы, которые проходит ребенок в процессе их освоения.

В коммуникативной лингвистике (С. Н. Курбакова, А. К. Киклевич и др.) внимание обращается на то, что говорящий организует высказывание, конструируя личностную прагматику дискурса. При этом для достижения

эффективности коммуникации решающим становится выбор того либо иного языкового средства. Таким образом, фокус с дейксиса как морфологической категории смещается на его функционально-прагматический потенциал.

Представителей когнитивного направления (Дж. Лакофф, Р. У. Лангакер, С. Левинсон, О. Г. Мельник и др.) интересует соотнесение информации, передаваемой дейктиками, с уже имеющимися знаниями на основе перцептивного и физического опыта. С точки зрения когнитивной лингвистики связь между дейктическими категориями осуществляется через сеть метафор, причем пространственному дейксису отдается ведущая роль как исходного домена, предоставляющего когнитивный доступ ко всем остальным дейктическим измерениям, в том числе и лично-социальному.

В рамках дискурсивной лингвистики (Р. Д. Брехт, К. Элих, В. В. Бурлакова, В. Г. Гак, Н. Т. Кирвалидзе и др.) исследуются вопросы функционирования дейксиса как в отдельно взятом предложении, так и в контексте. Дейксис, в том числе и ролевой, начинает рассматриваться как структурный элемент, обеспечивающий связность всего текста. Разграничивается дейктическая и анафорическая функция местоимений.

В сфере интересов социолингвистики лежат проблемы взаимодействия языка и социума. Следует отметить явное смещение акцента в работах по исследованию японского языка в сторону социального дейксиса, выделяемого некоторыми учеными в отдельную от ПД категорию. Лингвистами определены способы маркирования социальных ролей, гендерных различий в японской коммуникации. Предложены классификации японских местоимений на основе различных параметров: статуса, пола, возраста и др.

В лингвокультурологии и этнолингвистике (В. М. Алпатов, Т. Т. Ли, В. Б. Касевич, Р. Перкинс, А. К. Устин и др.), где значимым является взаимообусловленность культуры и языка, считается, что сложившийся набор и особенности функционирования дейктиков отражают те либо иные культурные установки, принятые в данном этносоциуме. Согласно данным Р. Перкинса, чем сложнее культура, тем меньше дейктических категорий грамматикализовано в используемом ею языке.

Необходимо отметить, что главным объектом исследований ПД являются прямые дейктические средства, т.е. личные местоимения, а неместоименные дейктики остаются на периферии внимания исследователя. Однако, мы полагаем, что в японском языке вектор указания при нечастом использовании местоимений в определенных функциональных стилях декодируется по совокупности именно косвенных маркеров лица.

Опираясь на вышеизложенное можно сделать вывод, что, несмотря на существование множества направлений, в русле которых анализировались личные местоимения, комплексно категория ПД в рамках данных направлений практически не рассматривалась. Особенно эта проблема актуальна для разноструктурных и неблизкородственных языков (в частности, нас интересуют японский и русский языки), где дейктический инструментарий может значительно отличаться, в том числе и из-за разности культур, продуктом которой являются особенности сложившихся моделей коммуникативного поведения.

Наиболее продуктивным для целей выявления дейктических средств в различных языках, на наш взгляд, является сопоставительное исследование в функциональном аспекте, предполагающем обращение не к словарным дефинициям и грамматическим справочникам, а к обширному массиву текстов в разных функциональных стилях. Контрастивные исследования (Б. К. Берген, Й. Нергор-Серенсен, Е. М. Вольф, О. В. Клименко, А. Талески, Г. В. Федюнева и др.) получили широкое распространение на современном этапе развития лингвистической науки. Они нацелены на сопоставление языковых явлений в двух и более языках, посредством чего сравниваются элементы систем разных языков с приведением их характеристик, свойств, особенностей функционирования. Такой подход позволяет выявить корреляты и несоответствия в языковых системах на различных их уровнях и таким образом комплексно проанализировать сложившиеся в исследуемых языках дейктические системы.

Н. В. Михалькова

ПРАГМАТИКА ПОСТРОЕНИЯ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Иероглифические знаки китайского языка представляют собой сложные построения, состоящие из семантически, синтаксически и прагматически выверенных элементов. Триединство значения языкового знака и его конститuentов, а также огромная подсистема графем позволяют носителям китайского языка успешно решать множество номинативных и словообразовательных задач. Так, например, иероглиф 男 nán ‘мужчина; мужской’, представляет собой комбинацию двух графем 田 tián ‘поле’ и 力 lì ‘сила’. Такое сочетание составляющих может быть объяснено тем, что в Древнем Китае ответственность за выполнение сельскохозяйственных работ лежала на плечах мужчин, соответственно в языковом сознании китайцев мужчина (男) являлся основной силой (力) для работы в поле (田).

Прагматический аспект построения иероглифического знака в китайском языке оказывается наиболее релевантным в случаях, когда необходимо выразить значение некоторого множества лиц. Так, в русском языке, например, отсутствуют гендерно дифференцированные значения местоимения второго лица множественного числа *они*, а также инклюзивное местоимение первого лица множественного числа *мы*. *Они* может включать как мужчин и женщин, так и группы только мужчин или только женщин. В китайском языке письменный знак имеет различия. Так, местоимения 他们 и 她们 имеют как одинаковое произношение tāmen, так и сходное значение ‘они’. Иероглифически знаки отличаются только радикалом: в первом случае радикал человек, второй знак включает ключевой компонент женщина. При этом местоимение 他们, в составе которого присутствует элемент человек,